

Классный руководитель, шедший впереди, конечно же, заметил, как Чи Ку толкнул ребёнка, и бросил на него взгляд издали, но ничего не сказал.

Третьеклассник сам поднялся с лестницы и закричал:

— Кто меня толкнул?

Чи Ку даже не обернулся, их класс уже спускался на этаж ниже.

Классный руководитель сказал помощнику в конце колонны:

— Помоги ему спуститься, чтобы не упал.

— Кто меня толкнул? — продолжал кричать ребёнок. Он не был полностью слепым, у него оставалось немного зрения, и он, лёжа на лестнице, указывал вниз:

— Кто из вашего класса меня толкнул? Ты ещё пожалеешь!

Тао Хуайнань крепче сжал руку Чи Ку, но тот не реагировал, только сказал, когда Тао Хуайнань на последней ступеньке чуть не упал:

— Считай ступеньки.

Тао Хуайнань, держась за его руку, наконец сосредоточился и начал считать ступеньки.

Из-за этого происшествия у входа учитель долго разговаривал с Тао Сяодуном.

Тао Сяодун одной рукой обнимал ребёнка, слушая, как учитель тихо рассказывает о поведении обоих в школе. Кроме случая с толчком о Чи Ку было нечего сказать. Оба мальчика были спокойными, младший хоть и пугливый, но под присмотром старшего брата всё было в порядке.

Учительница была молодой девушкой, строгой с учениками, но всегда вежливой с родителями.

Тао Сяодун с улыбкой сказал учительнице:

— Спасибо за ваше внимание.

— Это моя обязанность, — ответила учительница, взглянув на Чи Ку. — В следующий раз так не делай.

Чи Ку промолчал, а Тао Сяодун потрепал его по голове:

— Какой ты вспыльчивый!

Тао Хуайнань тут же вступился:

— Он первый меня толкнул... Чи Ку только ответил.

Учительница и Тао Сяодун рассмеялись, а Тао Сяодун потянул его за ухо:

— Всё равно так нельзя.

Поговорив с учительницей ещё несколько минут, Тао Сяодун повёл их к машине. Тао Хуайнань, беспокоясь, что Чи Ку получит выговор, хитростью сказал брату:

— У меня рука сильно болит, после того как я ударился, даже звук был.

Тао Сяодун закатал его рукав и увидел небольшое покраснение.

Он не врал, действительно было больно. У Тао Хуайнань была нежная кожа, и к вечеру, вероятно, появится синяк.

Тао Сяодун щёлкнул Чи Ку по голове и сказал:

— Толкать на лестнице опасно, особенно если они не видят. В следующий раз так не делай.

Чи Ку промолчал, а Тао Хуайнань снова вступился:

— А если меня толкнут, я должен просто стоять?

Тао Сяодун вдруг хитро улыбнулся и тихо сказал:

— Подожди, пока он выйдет на ровное место, и толкни его так, чтобы он упал, а потом быстро убегай.

Тао Сяодун завёл машину, а Тао Хуайнань был ошеломлён его словами. Чи Ку тоже был удивлён.

Тао Сяодун, увидев их растерянные взгляды, усмехнулся:

— Он ведь тоже слепой, и вы не исключение. Если кто-то вас обижает, отвечайте, не бойтесь, я на вашей стороне.

Эти слова звучали несправедливо, но Тао Сяодун всегда был таким. Он начал самостоятельную жизнь в семнадцать, не окончив школу, занялся татуировками, а в университетские годы уже всю работу в этой сфере.

Он не искал конфликтов, но если кто-то лез к нему, он не оставался в стороне.

Тао Хуайнань изначально хотел защитить Чи Ку от выговора, но, услышав слова брата, почувствовал, что что-то не так, но одновременно хотел смеяться.

— В этот раз учительница увидела и пришла ко мне жаловаться, — сказал Тао Сяодун, управляя машиной. — Когда я был маленьким, если хотел кого-то проучить, никто меня не ловил, я был очень ловким.

Тао Сяодун рассказал им кучу историй о своих детских проделках, а затем, остановившись на светофоре, повернулся и с улыбкой спросил Чи Ку:

— Мы ведь из одного места, учись у меня, не будь таким прямолинейным. Разве не стыдно, когда учитель жалуется? А мне приходится улыбаться.

Тао Хуайнань уже смеялся, так что его животик подрагивал, и даже Чи Ку не сдержался, слегка улыбнулся, отвернувшись.

— Если хочешь смеяться, смейся открыто, зачем прятать улыбку? — сказал Тао Сяодун, повернувшись обратно, и, напевая, добавил:

— Ты становишься всё больше похожим на старшего брата.

Они встретились взглядами в зеркале заднего вида, и Чи Ку смутился, отвел глаза.

— Быть младшим братом легко, ведь всегда есть старший, который тебя прикроет, — Тао Сяодун щёлкнул языком, слегка приподняв подбородок, и поддразнил его в зеркале:

— А быть старшим братом сложно, да?

Чи Ку опустил глаза, уткнувшись головой в зеркало.

Тао Хуайнань, сидя рядом, беззаботно смеялся, как дурачок, и сказал:

— Я думал, ты его отругаешь, испугался.

— Зачем мне его ругать? — сказал Тао Сяодун, крутя руль. — Это нормальная реакция деревенского парня — дать сдачи.

Тао Хуайнань засмеялся:

— Ты раньше так не говорил!

— Ты ведь не из нашей деревни, ты городской ребёнок, — сказал Тао Сяодун. — Да и ты слепой, кого ты сможешь ударить? Только плакать можешь.

Затем он спросил Чи Ку:

— Верно, маленький Чи?

Чи Ку не смог сдержать улыбку, провёл рукой по носу и впервые так широко улыбнулся, отвернувшись.

Тао Хуайнань не согласился: то его называют не из их деревни, то говорят, что он только плакать может. Он повалился на бок, капризничая, и, коснувшись головой Чи Ку, просто прижался к нему.

Он уже забыл о замечаниях в школе и о том, что Чи Ку его не любит.

Небольшая размолвка между ними была забыта.

Чувствительное сердечко Тао Хуайнань, возможно, нуждалось в таком прямолинейном человеке, как Чи Ку, чтобы его успокоить.

Иногда, когда Тао Хуайнань снова начинал капризничать, Чи Ку, не дожидаясь его слов, говорил:

— Убери губы.

Тао Хуайнань, только что надувший губы, тут же их поджимал.

Если он продолжал ныть, Чи Ку просто говорил:

— Не надоедай.

Со временем Тао Хуайнань стал менее чувствительным. В противном случае, как только он начинал переживать, Чи Ку говорил, что он надоедает.

«Надоедаешь» стало постоянной фразой Чи Ку.

После многочисленных замечаний Тао Хуайнань уже не обижался, просто капризничал:

— Чем я надоедаю?

Чи Ку похлопал его по тетради:

— Быстрее пиши.

— У меня пальцы уже болят, — Тао Хуайнань не хотел «писать»: без усилий ничего не получалось, а если давить слишком сильно, рука болела.

Чи Ку сказал:

— Вечно ты с проблемами.

Опять его ругали, опять он надоедал. Но теперь Тао Хуайнань стал толстокожим, пусть говорят, что хотят.

Он спрыгнул со стула и пошёл к дивану, чтобы поесть фруктов. Брат разговаривал по телефону, и Тао Хуайнань прилёг к его ноге, а брат прикрыл ему глаза.

Тао Хуайнань тихо спросил:

— Они снова двигаются?

Тао Сяодун, слушая телефон, ответил:

— Всё в порядке, не двигаются.

Проблема с движением глаз была под контролем Тао Сяодуна и Чи Ку, и они следили за этим несколько месяцев, прежде чем смогли исправить привычку. В эти месяцы, после начальных капризов, Тао Хуайнань привык к тому, что его контролируют, и перед сном или днём звал Чи Ку, чтобы тот положил руку ему на глаза.

— Ты прижми их, так я буду знать, двигаются ли они.

Чи Ку отдернул руку:

— Я хочу спать.

Тао Хуайнань смеялся и хватал его руками, кладя их себе на глаза, уговаривая:

— Ну, чуть-чуть?

На самом деле ему просто нравилось ощущение, когда глаза прикрыты. Обычно он не чувствовал их, но когда их прижимали, появлялось ощущение присутствия, и тепло ладони на коже вокруг глаз успокаивало.

Когда глаза окончательно перестали двигаться, он иногда всё ещё звал Чи Ку.

Чи Ку встряхнул подушку, говоря, чтобы он успокоился и не надоедал.

Тао Хуайнань протянул руку через подушку, чтобы схватить Чи Ку за волосы. Чи Ку поднял

голову, прижимая его руку, а Тао Хуайнань отдернул её.

Они не сидели спокойно, и другие дети тоже начинали шуметь. Дети в школе уже привыкли друг к другу, и их стало сложнее контролировать. Бабушка каждый вечер должна была наводить порядок, но они становились всё более непослушными.

Наконец Тао Хуайнань довёл Чи Ку до того, что тот схватил его за лицо.

Тао Хуайнань тихо сказал:

— Больно, больно!

Чи Ку нахмурился:

— Ты такой надоедливый.

— Если я надоедаю, ты хватаешь за лицо? — Тао Хуайнань прикрыл лицо, его выражение говорило о полном недоверии.

Чи Ку перевернулся, накрыв голову одеялом.

Капризуля.

Капризули вырастают избалованными, но если их не баловать, они становятся крепкими. В семье Чи Ку любой капризуля быстро становился крепким, иначе просто не выжил бы.

[Примечаний нет]

<http://bllate.org/book/16228/1458070>